

то, что характеристика арабской литературы Ирака поручена специалисту-арабисту А. Ф. Султанову.

Глава XVIII — «Евреи и арабы Израиля» (стр. 537—549; автор И. А. Генин) дает правильное, ясное и политически целеустремленное представление о современном состоянии «палестинской проблемы». В этой главе содержится популярное описание истории образования государства Израиль и реакционной политики представителей сионистского капитала, хорошо изложены классовые противоречия среди израильских евреев, национальная дискриминация, которой подвергаются местные арабы, и направление борьбы прогрессивных сил Израиля за демократию и мирное развитие страны. Но этнографический материал почти совершенно отсутствует. Это вполне понятно, так как местные арабы, по их занятиям, быту и культуре, ничем не отличаются от арабов соседних стран, а подавляющее большинство евреев в Израиле являются самыми обыкновенными европейцами и американцами.

В заключение надо отметить, что выход в свет тома «Народы Передней Азии» дает возможность советским читателям ознакомиться с жизнью и бытом этих народов. Эта книга содержит самые передовые взгляды советских людей на положение народов угнетенных стран Востока, пробудившихся к борьбе за свободу и независимость.

Е. А. Беляев, Г. М. Петров, А. М. Шамсутдинов

ПО СТРАНИЦАМ ЖУРНАЛА ЯПОНСКИХ ЭТНОГРАФОВ

Ведущая организация, объединяющая японских этнографов, это — Японское этнологическое общество (Нихон Миндзокугаку Кёкай). Центральным печатным органом японских этнографов является издаваемый этим Обществом журнал — «Этнографические исследования» (Миндзокугаку Кэнкю). Главный редактор журнала проф. Н. Мацумото хорошо известен нашим читателям как автор ряда работ по японо-аустрическим языковым и культурным связям, опубликованных на французском языке.

Журнал «Миндзокугаку Кэнкю» выходит четыре раза в год, но иногда номера бывают сдвоены. В каждом номере печатаются статьи, рецензии, заметки и краткие сообщения, хроника и т. д. Рассмотрение этих материалов позволяет сделать некоторые выводы о направлении этнографической мысли в Японии за последние два-три года.

Прежде всего бросается в глаза тематика статей. Она дает понять, что бывшее и ранее популярным среди японских ученых подразделение этнографии на *Völk Kunde* и *Völkerkunde*, т. е. на этнографию своего народа и на этнографию других народов, продолжает оставаться в силе. Японские этнографы, кроме изучения японского народа и айнского населения Японии, интересуются этнографическими проблемами Восточной Азии и Океании: монголы, тунгусы, китайцы, тибетцы, корейцы, народы Юго-Западного Китая, Индокитая, Индонезии и Микронезии — вот круг их научных интересов. И можно отметить коренное различие в подходе к описанию японцев и других народов.

Исследование других, в особенности относительно остальных, народов проводится обычно в широком этнографическом аспекте. Здесь преобладают довольно крупные проблемы — глубокое исследование тайного общества «Какехан» на Молукках (статья А. Нисимура, 1957, № 4), разбор родственных отношений у цуань (подразделение народа таи) в Южном Китае (И. Сиратори, там же), детальное описание каменной скульптуры на островах Палау (Х. Хидзиката, 1956, № 3—4). В изучении же японцев доминируют мелкие, частные темы. Половина работ посвящена различным вопросам мифологии и народных культов: описываются ритуалы, принятые в отдельных храмах; таковы статьи К. Нумадзава «Церемониал плодородия в храме Тагата, префектура Айти» (1957, № 1—2), Н. Кубо — «Култ Косин» (1957, № 3), очень интересная работа К. Фуруно о христианстве у так называемых «кириситан» в префектуре Нагасаки, сохранивших элементы средневекового католицизма (1957, № 4), и многие другие. Остальные статьи посвящены таким вопросам, как взаимоотношения старожильческого и пришлого населения на острове Цусима (Т. Миямото, 1957, № 1—2), классификация некоторых видов фольклора (К. Сэки, там же), типы древних японских деревянных лопат и мотыг (И. Явата, 1957, № 4), отдельные виды крестьянской взаимопомощи (К. Арига, там же), тайный жаргон некоторых социальных кругов (М. Го, 1957, № 1—2).

Нельзя отрицать ценности всех этих работ, но нельзя одновременно и не пожалеть, что японские этнографы в последние годы в изучении родного народа почти не ставят перед собой задач рассмотрения больших этнографических явлений в широком историческом аспекте, не говоря уже об отсутствии должного внимания к этнографическим проблемам современности, хотя работы на этих участках — непочатый край.

Особую, весьма многочисленную группу составляют исследования по айнской этнографии. На этом участке научного фронта, почти заброшенном в военные и послевоенные годы европейскими исследователями, японские ученые добились существенных успехов. Большой заслугой их следует признать умение гармонично сочетать в этой области и детальные исследования частностей быта, и постановку больших проблем. В качестве примера можно назвать работу Т. Обаяси «Культурно-историческое место айнского жилища» (1957, № 4) — исследование с привлечением большого сравни-

тельного материала, или статью И. Хаяси об айском земледелии (1956, № 1—2). Весьма интересен и разбор таких частных вопросов, как дуэль на дубинках (С. Такакура, 1957, № 3), особый жаргон старшего поколения (С. Хаттори, там же), толкование снов (Т. Инукаи, 1957, № 4) и др. Большое внимание уделяется и айскому фольклору — в журнале публикуются даже полные тексты записей айских былин, например в статье К. Кинданти о вновь записанных былинах — «увепекер» (1957, № 3). Однако по японскому фольклору в журнале публикаций почти нет — японские фольклористы имеют свои отдельные организации.

Антропология в Японии также довольно резко обособлена от этнографии. Антропологи имеют свои особые печатные органы (центральный из них «Дзинруйгаку дзасси»). Поэтому антропологические работы появляются на страницах «Миндзокугаку Кэнкю» лишь эпизодически и, как правило, тесно связаны с этнографией. Так, статья Т. Канасэки по палеоантропологии Рюкю, хотя и содержит измерения всего лишь одного черепа, в основном посвящена выяснению обстоятельства удаления зубов, очевидно при инициации; статья К. Хасэбэ (1957, № 1—2) обосновывает необходимость выделения в антропологии особого подраздела — эргологии, или науки о влиянии элементов культуры на изменение физического облика отдельных популяций. Можно отметить еще статью К. Имаи о звуковых сигналах у японских макаков (1957, № 3), хотя связь этого вопроса с наукой о человеке представляется достаточно спорной — от проблем генезиса речи он еще слишком далек.

В числе основных проблем, которым посвящены публикуемые в журнале статьи и к которым соответственно привлечены интересы Этнографического общества, следует отметить вопросы теории, вопросы общей этнографии. За последние два—три года такие работы стали появляться довольно часто. Это свидетельствует о некоторых сдвигах в японской этнографии, о поисках новых методов, новых концепций.

До сих пор в отношении теории и методологии японская этнографическая наука по своему духу была наиболее близка к немецким этнографическим школам. Уже упомянувшееся подразделение на *Volkskunde* и *Völkerrkunde*, широко распространенные в исследованиях концепции диффузионизма и культурных кругов, характерные для довоенной, а в значительной мере и послевоенной японской этнографии, восходят к таким источникам, как построения Ратцеля, Гребнера, Шмидта, Вундта, Вестермарка. Однако в настоящее время несостоятельность многих из этих концепций, по-видимому, стала слишком очевидной даже для их прежних последователей, а в современной японской этнографической науке идут усиленные поиски новых путей, новых концепций, поиски, разумеется, сопровождающиеся борьбой противоположных направлений.

На одном полюсе находятся работы, которые пытаются ввести в обиход японской этнографии понятия новейших англо-американских школ. Такова работа Ю. Окада (1957, № 4), посвященная малым сообществам, которые он рассматривает как «основной объект социальной антропологии», имеющей целью «путем сравнения выработать теорию человеческого поведения вообще». В этой статье содержится призыв к применению в исследовании современных коллективов высоко развитых народов тех функционалистских, холистических позиций, с которых Малиновский и Рэдклифф-Браун исследовали народы отсталые. Основной характеристикой объекта исследования — малого коллектива — является, по Окада, его четкость, т. е. очерченность границ, малая величина, делающая его как бы основной общественной единицей, гомогенность, т. е. преемственность поколений (без примесей со стороны), и хозяйственная автаркия — самоудовлетворимость основных потребностей. Даже не ставя законного вопроса — можно ли вообще в современном обществе найти коллектив, удовлетворяющий подобным требованиям, нельзя не отметить антиисторизма подобной позиции, стремления автора отмежеваться и оградиться от рассмотрения общества в целом и закономерностей его развития. Да автор и сам признает, что интересует его не общество, а личность, в лучшем случае «типичная личность», и то, как формируются линии ее поведения; автор следует при этом таким образцам, как цитируемые им работы Р. Бенедикт, М. Мид, Р. Редфилда, Р. Ферса и др.

С другой стороны, в работах многих японских этнографов чувствуются прогрессивные настроения. Разумеется, большинство из них еще очень далеки от подлинно материалистического и диалектического понимания жизни общества, но им нельзя отказать в стремлении рассматривать общественные явления в историческом плане.

В этой связи можно назвать статью С. Ивамура «Диффузия и параллель» (1957, № 3), рассматривающую в качестве примера историю происхождения и развития кочевого скотоводства в Азии. В работе Ивамура содержится резкая критика диффузионистских и функционалистских методов, как антиисторических. Одновременно он выступает и против другой крайности — абсолютизации самостоятельного параллельного развития — и требует сочетать оба подхода, различая в конкретной исторической обстановке разные сочетания заимствований и самостоятельного развития.

Попытке определения задач этнографии посвящена статья Э. Исида «Что такое культурная антропология?» (1957, 3). Автор понимает данную науку как науку о человеческой культуре в целом, причем «целостность» рассматривается двояко: как единство во времени и пространстве и как структурно-функциональное единство. Если против первого ничего нельзя возразить, то со вторым мы согласиться не можем. Нельзя признать правомерным также исключение автором истории первобытности из круга этнографических проблем. Однако статья ценна тем, что показывает взаимосвязь и неразделимость описательной и анализирующей сторон науки, а также тем, что отрицает

возможность разрешения стоящих перед этнографами проблем только средствами и методами какой-либо одной отдельной узкой «школы».

Из других работ по общей этнографии, опубликованных в последние годы в журнале, можно отметить статью Д. Танасэ о куваде (1957, № 1—2). Автор, правда, отрицает общечеловеческое единство основной линии развития первобытного общества от материнского рода к патрилинейным системам организации, но рассматривает куваду как явление, свойственное именно эпохе подобного перехода. Танасэ видит два источника кувады: один — социальный, обуславливающий содержание кувады как заявку отца на свои права, и другой — религиозный, магический — намерение отвести злых духов от матери ребенка, что обуславливает форму кувады.

Статья Э. Исикава о коллективном землевладении (1957, № 3) базируется на меланезийском материале. В статье широко использованы труды К. Маркса и Ф. Энгельса, хотя автор ее не является марксистом, а, напротив, ставит перед собой задачу «исправить» положения марксизма в этом вопросе. Положительная сторона статьи состоит в том, что в ней показывается несостоятельность всех сделанных ранее подобных попыток, содержится требование более глубокого изучения марксизма и критика поверхностного подхода к марксизму со стороны буржуазных ученых. Обсуждение на страницах журнала марксистских положений применительно к этнографической науке не случайно. Оно показывает, что идеи марксизма получают распространение в данной отрасли науки, иначе не было бы поводов для полемики.

В Японии уже давно имеется сильная группа историков-марксистов. Среди них можно упомянуть имена С. Тома, С. Камияма и др. Теперь марксистская мысль начинает проникать и в другие отрасли исторической науки. Большую роль в этом отношении играет влияние передовой советской науки. Чувствуется, что японские этнографы довольно хорошо следят за работами советских ученых. Так, в № 1—2 за 1956 г. опубликован обзор исследований, посвященных происхождению тунгусов. В обзоре, охватывающем различные работы А. П. Окладникова, Н. Н. Чебоксарова, Г. М. Василевич, Г. Ф. Дебеца, поддерживается точка зрения советских ученых на происхождение тунгусов и критика ими концепций Широкогогорова и выдвигаются некоторые дополнительные аргументы в пользу этой точки зрения, основанные на описании тунгусского костюма у Георги.

На страницах публикуемых работ можно встретить транскрипцию и кальки терминов, введенных в научный обиход советскими учеными: «этнографический комплекс», «этническая единица», «племенная единица», «нация» и «народность» как два противопоставляемых понятия. Подобные термины и понятия постепенно входят в широкое употребление в японской исторической науке, в частности в этнографии.

Японские этнографы часто обращаются к советской и русской литературе не только по общетеоретическим вопросам, но и как к источнику материала для своих исследований, в особенности по народам Северной и Центральной Азии. Например, статьи Т. Кобаяси о терминологии молочных напитков у монголов (1956, № 1—2) и о монгольском календаре (1957, № 1—2) или статья Т. Гото о культе «обо» (1956, № 1—2) базируются большей частью на материалах исследований дореволюционных русских и советских ученых — Ковалевского, Потанина, Иохельсона, Доржи Банзарова, Н. А. Баскакова, Насилова.

Вообще труды японских этнографов о других народах построены, как правило, на материалах письменных источников. В послевоенные годы этнографических экспедиций в другие страны в Японии не снаряжалось. Однако до сих пор продолжают публиковаться результаты обработки материалов, собранных до войны на территориях, принадлежавших тогда Японии. Таковы работы Т. Огава о корейской деревне (1957, № 4), Н. Миямото об украшениях из стеклянных бус у «гаошань» Тайваня (там же) и др.

В целом публикуемые в журнале статьи дают ценные сведения о японцах, айнах и других народах Дальнего Востока. Английские резюме, предпосылаемые каждой статье, делают журнал доступным широкому кругу специалистов.

С. Арутюнов

НАРОДЫ АФРИКИ

ПУБЛИКАЦИИ ЖУРНАЛА «PRÉSENCE AFRICAINE» (1957 г.)

(Аннотированный список)

Журнал «Présence Africaine» издается в Париже с 1947 г. на французском языке, ряд статей печатается и на английском. Журнал освещает вопросы истории, экономической, политической, культурной жизни народов Африки и отражает мнения прогрессивной африканской интеллигенции, борющейся за сохранение и дальнейшее развитие культур африканских народов. В редколлегию входят африканские и западноевропейские ученые, писатели, журналисты — люди различных политических направлений и

